

содержательная, методическая и организационная стороны. Содержательная сторона системы морально-этического воспитания отражает желаемые качества и свойства субъекта, которые должны быть у него сформированы в процессе воспитательного процесса (цель и задачи воспитания). Методическая сторона отражает то, как практически решаются эти задачи, выражает совокупность принципов, средств, методов и форм, применяемых в воспитательном процессе. Организационная сторона указывает на то, кто воспитывает, определяет наличие соответствующих организаций.

Итак, морально-этическое воспитание юриста заключается в качественном изменении уровня его морально-этической культуры, что приведет к увеличению уровня морально-этической культуры общества в целом.

Список использованной литературы:

1. Ільїн І. Шлях духовного відновлення / І. Ільїн. – М. : Основа, 1992. – 346 с.
2. Максимюк С.П. Педагогіка : навчальний посібник / С.П. Максимюк. – К. : Кондор, 2005. – 667 с.
3. Бачинін В.А., Журавський В.С., Панов М.І. Філософія права : словник / В.А. Бачинін, В.С. Журавський, М.І. Панов. – К. : «Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. – 408 с.
4. Воспитание // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов; ред. А.И. Мерцанова. – Минск : Изд-во В.М. Скаун, 1999. – 896 с.
5. Сливка С.С. Юридична деонтологія : підручник / С.С. Сливка. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. – К. : Атіка, 2003. – 320 с.
6. Орлов А. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека / А. Орлов // Психология личности: В 2 т. – Т. 2. – Самара : Знание, 1999. – 520 с.
7. Філософія права / За ред. М. Костицького і Б. Чміля. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – 336 с.
8. Каган М.С. Философская теория ценностей / М.С. Каган. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 270 с.
9. Зеличенко А. Психология духовности / А. Зеличенко. – М. : Изд-во Трансперсонального института, 1996. – 400 с.

ПРАВО НА РОДИТЕЛЬСТВО ВОПРЕКИ ИНТЕРЕСАМ ДЕТЕЙ

Ирина РУБЕЦ,

аспирант кафедры гражданского права и процесса юридического факультета
Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

In this article the theoretical enquiry on child rights violations caused by the realization of the adults' right on maternity and paternity. The analysis of juridical literature, judicial practice and sociological studies on issues of compliance with the principle of the best ensuring of the interests of the child in the regulation of relations of origin children is made. The main content of the basic concepts of parenthood is revealed and the negative effects from division of traditional parental roles between the different objects are discovered. The conclusion about the necessity of scientific developments and also the improvement of the legal regulations in the range of relations appearing in the connection with the expansion of opportunities for parental rights is proved.

Key words: fatherhood, motherhood, concepts of parenthood, SRT, origin of the child, the child's interests.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование вопроса нарушений прав детей, вызванных реализацией прав взрослых на отцовство и материнство. Осуществляется анализ юридической литературы, судебной практики и социологических исследований по проблематике соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка при регулировании отношений происхождения детей. Раскрыто содержание основных концепций родительства и освещены негативные последствия для детей разграничения традиционной родительской роли между разными субъектами. Обоснован вывод о необходимости научных разработок, а также совершенствовании правового регулирования в сфере отношений, возникающих в связи с расширением возможностей по реализации родительских прав.

Ключевые слова: отцовство, материнство, концепции родительства, ВРТ, происхождение ребенка, интересы ребенка.

Постановка проблемы. Каждый раз, когда общество допускает изменения в понятие брака, оно обязательно меняет понятие отцовства и материнства. Тенденция к массовым разводам привела к воспитанию детей в неполных семьях, что ослабило существующие связи ребенка и его отца и привело к изменениям о представлении отцовской роли, а в конечном итоге и материнской. Возможность использования донорского материала для рождения детей у бесплодных пар со временем привела к возникновению аналогичного права для гомосексуальных партнеров. Легализация браков между ними сначала казалась незначительным нововведением и касалась мизерного количества людей, а в результате подорвала представления о браке, семье и родительстве.

Цель статьи. Сегодня, когда общество нашего государства еще только стоит на пороге таких вопиющих изменений о традиционное видение семьи, мы должны проанализировать причины этих мировых тенденций и предложить им свою оценку с точки зрения

будущих перспектив для нас и наших детей.

Изложение основного материала. Правовая связь, которая возникает между родителями и детьми включает взаимные имущественные и неимущественные права и обязанности. При рождении ребенка это, в первую очередь, обязанности относительно ребенка. А поэтому, когда интересы ребенка начали приобретать признание и закрепление на государственных и международном уровнях, на первый план, относительно их охраны и защиты, в отношениях родителей и детей вышли именно интересы детей. В законодательстве Великобритании, (Children Act 1989 § 1) в частности нашел закрепление так называемый «принцип благосостояния» («the welfare principle») для ребенка, который установил верховенство интересов ребенка, предусмотрев, что для суда в решении любых вопросов воспитания, усыновления, места жительства, распоряжение имуществом ребенка, контактов, лечения или передачи ребенка под опеку государства важнейшим показателем при

их решении должен быть интерес ребенка. Этот же принцип в значительно более расширенном виде был воплощен в принятой 1989 Конвенции ООН о правах ребенка, ратифицированной Украиной 27.02.1991 года (далее - Конвенция о правах ребенка), в ч. 1 ст. 3 которой говорится, что во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка.

Однако очерченный выше законодательный подход к принципу обеспечения интересов ребенка не нашел однозначного одобрения среди ученых. Его критиковали из-за оценочности понятия «наилучшего обеспечения интереса», предоставления слишком широкого усмотрения конкретным субъектам при принятии соответствующих решений, из-за отсутствия прозрачности в принятии таких решений, и т. п. [1, с. 267, 276-280, 293-298]. В частности, по этому поводу высказал интересную позицию Дж. Херринг, отметив, что часто этот принцип сводят к слишком индивидуалистическому, сконцентрированному только на себе интересу, что не является верно, ведь интерес ребенка включает и правильность его представлений об уважении к другим людям и ни в коем случае не должен применяться однобоко [2, с. 101-102]. Критика этого принципа привела к поискам баланса интересов ребенка и родителей, и в дальнейшем даже столкнула их в серьезном противопоставлении. А потому, проблематика его применения проходит через весь спектр сложных правоотношений родителей и детей, начиная с вопроса происхождения последних и серьезно влияя на регулирование этого института.

Поскольку в современных условиях признание получили не только права ребенка, но и права на отцовство и материнство, многие люди желают удовлетворить эту естественную потребность всеми возможными способами. В свете новейших репродуктивных технологий, когда рождение ребенка может выходить за рамки естествен-

ного процесса, а выяснение вопроса законного отцовства (материнства) призвано обеспечивать не только интересы ребенка, но и интересы его потенциальных родителей, во всем мире наблюдается тенденция радикальных изменений в представлениях о традиционной модели родительства. В частности, речь идет о предоставлении этого статуса лицам, которые не являются биологическими и (или) генетическими родителями ребенка, в том числе гомосексуальным парам, о лишении ребенка права знать его генетическое происхождение и тому подобное.

В связи с такими нововведениями на сегодняшний день в литературе встречаются различные термины, употребляемые наряду с понятием отцовства или материнства: генетическое, биологическое (гестационное), социальное или психологическое, законное. Поэтому стоит разобраться со значением каждого из них.

Д. Кэре рассматривает их как составляющие элементы понятия «фрагментированного» родительства. Причина этого явления заключается в возможности разграничения традиционной родительской роли между разными субъектами (предоставление репродуктивного материала, зачатие, вынашивание и рождение, воспитание ребенка). Последствия такой фрагментации для детей автор считает глубоко отрицательными, поскольку она вызывает многочисленные споры взрослых по поводу детей, а значит и усиленное вмешательство государства в их семейную жизнь [3, с. 32, 38].

М. Джонсон употребляет эти термины как составляющие классификации компонентов родительства [2, с. 47, 48]. Первый компонент - генетический. Как известно на сегодняшний день, продуцирования человеческого существа требует два набора хромосом, один из которых должен быть получен от женщины, а другой - от мужчины. В связи с этим генетические родители разных полов являются обязательными для рождения ребенка и осуществляют для своих потомков незаменимый вклад. Следующим важным компонентом отцовства выделены гестационный, или утробный, который является исключительной сферой женщины. Она вынашивает ребенка внутри своего организма и в течение этого периода ее

поведение, моральное состояние, диета и состояние здоровья осуществляют на ребенка непосредственное влияние. Наконец последний - послеродовой компонент родительства. Поскольку люди как высокоразвитые существа передают своим потомкам не только гены, но и свою культуру от поколения к поколению, этот компонент М. Джонсон называет также «социальным родительством». В научной литературе оно также получило название психологического. В традиционном представлении и в большинстве случаев все эти компоненты обеспечиваются для ребенка двумя его родителями.

Однако на сегодняшний день процесс рождения ребенка не обязательно должен выглядеть следующим образом, и каждый из компонентов родительства может быть реализован отдельным человеком. После того как было изобретено оплодотворение в пробирке (in vitro), естественное зачатие больше не является необходимым компонентом родительства, а гестационный и генетический компоненты могут касаться двух разных женщин. Наиболее открытым является послеродовой или социальный компонент. Социальными родителями являются те люди, которые взяли на себя родительские обязательства относительно ребенка, заботятся и воспитывают его ежедневно. Социальный компонент также может быть отделен от генетического и гестационного родительства и типичными примерами таких ситуаций являются случаи применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее - ВРТ), усыновления, проживание с отчимом, мачехой и т. д. Социальное родительство может быть представлено различным количеством людей без ограничений гендера или иного статуса, начиная от матери и отца, которые являются генетическими для ребенка, и заканчивая гомосексуальными парами, которые не имеют никакого отношения к зачатию, вынашиванию и рождению ребенка. Впрочем, более важно выяснить, кто из вышеуказанных лиц должен выполнять функции законных родителей ребенка, ведь, как показывает мировая практика, единого подхода к этому вопросу не существует.

Таким образом, определяя основания возникновения родительского статуса, закон должен сделать выбор

по поводу вопроса, какому из компонентов родительства следует отдать предпочтение: генетическому, гестационному или социальному [4, с. 586]. Ведь родительский статус является чрезвычайно важным для ребенка и его родителей, делает ребенка членом семьи своих родителей и образует целую систему прав и обязанностей. Он преимущественно носит характер постоянства, неотчуждаемости и создает юридические последствия на всю жизнь.

Различные взгляды касательно приоритетности в выборе категории родительства, которую следует закладывать в основу возникновения родительского статуса, нашли свое отражение в соответствующих концепциях отцовства – генетической (биологической) [5; 6; 7; 8], концепции трудовой собственности [9], гестационной [10], интенциональной [11] и других [12]. Все они в любом случае сводятся к обоснованию того, почему определенная категория родительства должна быть решающей для возникновения родительских прав. Однако наиболее распространенными и, соответственно, конкурирующими между собой являются генетическая и интенциональная концепции, анализ которых будет приведен далее.

В контексте естественной репродукции человека вопрос определения оснований возникновения родительского статуса не вызывает особых трудностей. Он преимущественно основывается на генетической связи между ребенком и его родителями и соответственно на биологическом происхождении [4, с. 581]. Здесь находит свое применение генетическая концепция отцовства, согласно которой, родителями ребенка являются лица, генетически родственные с ней.

Относительно детей, рожденных с помощью репродуктивной медицины, то для них родителями чаще всего признаются так называемые «intended social parents» (намеренные социальные родители) [4, с. 581]. То есть те лица, которые заключают договоры о применении ВРТ с намерением дальнейшего отцовства рожденного в их результате ребенка. Обоснование важности намерений по поводу дальнейшего родительства заложены в интенциональной концепции родительства и подробно описаны на примере суррогатного

материнства Дж. Хиллом, который, отрицая права суррогатной матери в отношении рожденного ею ребенка, выделяет три условия для возможности быть признанными интенциональными родителями ребенка: желание и намерение иметь ребенка и считать ее своим еще до момента зачатия; принятия определенных морально и юридически допустимых мер по реализации этого намерения, что будет иметь своим результатом зачатия ребенка; наличие намерения и возможности заботиться о ребенке в будущем [13, с. 166]. Данная концепция находит свое воплощение не только в случае суррогатного материнства. К примеру, в законодательстве Украины в п. 13.1 Инструкции о порядке применения ВРТ, утвержденной приказом Минздрава Украины от 23.12.2008 г. № 771 предусмотрена норма, согласно которой пары, у которых после лечения ВРТ остаются неиспользованные эмбрионы могут предоставить их для донации другой супружеской паре или незамужней женщине. В зарубежной литературе эта практика получила название так называемого «усыновления эмбриона» [14, с. 33]. При этом отцовство в отношении рожденного в результате таких мероприятий ребенка не принадлежит генетическим родителям, а реципиентам донированного эмбриона.

Как видим, освобождение от генетических рамок сделало концепцию родительства значительно более гибкой и широкой, а потому ответ на вопрос, кого следует признавать родителями ребенка, может отличаться в зависимости от подхода к ее законодательному регулированию.

Больше всего споров вызывают вопросы относительно того, должен ли родительский статус по отношению к одному ребенку принадлежать только двум человекам и обязательно ли они должны быть лицами разного пола. В 1997 году Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) рассматривал дело по иску британского транссексуала, который раньше был женщиной, и, находясь в дальнейшем в длительных отношениях с партнершей, которая родила ребенка в результате донации спермы, требовал, чтобы он был зарегистрирован отцом этого ребенка. Однако в иске ему было отказано, поскольку законодательством Великобри-

тании предполагалось, что право на то, чтобы быть зарегистрированным отцом ребенка, имеет лишь его генетический отец. Впрочем, дополнительно указывалось, что ничто не мешает заявителю выполнять функции социального отца отношении этого ребенка [15]. Такой подход к родительству был прочно укоренен как гетеросексуальное биологическое требование естественного воспроизводства людей, ставшее своим условием признавать родителями ребенка только его генетическую мать и генетического отца [4, с. 587]. Некоторые ученые, которые занимаются этой тематикой (А. Бейнхам, М. Ричардс, С. Скатер), отмечают, что в условиях новых достижений в области репродуктивной медицины этот подход получил еще более сильные обоснования своих позиций [2, с. 15]. Их оппоненты выражают достаточно критическое его видение, называя родительство чрезмерно «генетизированным» [16, с. 374]. В частности, утверждают, что идея необходимости для детей быть воспитанными их генетическими родителями больше нужна родителям, чем самим детям и кровная связь не имеет особого значения [17, с. 520]. Как результат на сегодняшний день в Великобритании уравниваются возможности приобретения родительского статуса для гетеро и гомосексуальных пар, как и во многих других странах мира.

Так, в Канаде с введением разрешения на однополые браки со всего законодательства государства исключена формулировка «естественные родители» и заменена на «законные родители». В Испании из этих же соображений слова «мать» и «отец» исключены из свидетельств о рождении и заменены «progenitor 1» и «progenitor 2» (что на русский язык переводится как прародитель, предшественник, предок). Суды США по своему усмотрению решают, кому предоставить родительский статус из числа лиц, причастных к планированию, зачатию, рождению или воспитанию ребенка [18, с. 5]. В Новой Зеландии в отчете Правовой Комиссии на тему «Новые вопросы законного отцовства» впервые предложено предоставить возможность донорам репродуктивного материала по их желанию быть вписанным в свидетельство о рождении ребенка третьим отцом / матерью [19, с. 8, 66]. В Австралии однополым парам

открыт доступ к рождению детей путем применения ВРТ [20, с. 4]. Парламент Дании принял закон, согласно которому лесбийским парам искусственная инсеминация должна быть обеспечена за счет государства, а в штате Калифорния закон позволяет «второй матери» из лесбийской пары быть вписанной в свидетельстве о рождении в графе «отец ребенка» [2, с. 12, 14]. В общем, анализу родительских прав однополых пар посвящен ряд исследований, которые свидетельствуют об их активном продвижении и закреплении на законодательном уровне, о положительной судебной практике и дальнейших перспективах [21; 22; 23]. Но наиболее шокирующей из последних новостей сферы «новейшего отцовства» стало открытие ученых Великобритании, с помощью которого ребенок сможет иметь трех генетических родителей и уже по состоянию на 2015 год такие дети должны быть рождены [24].

В современном мире родительский статус относительно ребенка могут приобрести любые из вышеперечисленных категорий лиц, участвующих в рождении или воспитании ребенка. Ими могут быть доноры гамет, партнеры или бывшие партнеры в однополых союзах, гетеро и гомосексуальные пары вместе с донором гамет (трое официальных родителей) и еще много разных комбинаций. Очевидно, что все эти шаги предпринимаются в интересах лиц, желающих стать родителями, для реализации их права на отцовство и создания семьи. Однако насколько это отвечает интересам детей - вопрос спорный.

Вполне понятно, что в определенных случаях воспитания ребенка его генетическими родителями невозможно и нецелесообразно, но это скорее должно быть исключением из правил, а не новым семейным стандартом. Статья 121 Семейного кодекса Украины 2002 года недаром определяет общие основания возникновения прав и обязанностей ребенка и его родителей и сознательно не включает в их число социальное происхождение, которое, очевидно даже исключительное. А потому хочется привести аргументы в пользу концепции природного (генетического) родительства, как основы возникновения родительских правоотношений и

важности ее признания приоритетной, в первую очередь в интересах детей.

Прежде всего статья 7 Конвенции о правах ребенка дает право детям насколько это возможно с самого рождения знать своих родителей и право на их воспитание. Представляется, что формулировка «насколько это возможно» должна касаться тех случаев, когда указанные права невозможно реализовать объективно, а не тогда, когда детей просто намеренно их лишают.

Авторы книги «Кто такие родители?» считают, что, за исключением отдельных случаев, родительский статус относительно ребенка должны получать генетические родители, ведь последствия генетического родства родителей и ребенка очень важны. Наиболее весомым из таких последствий является включение ребенка в семью своих родителей, возникновение взаимоотношений с родственниками разных поколений, вхождение в свою семью. Потеря связи ребенка и родителей приведет к потере этих значительно более широких важнейших отношений. А поэтому высокая цель сохранения связи поколений выходит значительно дальше границы принятия ежедневных решений в воспитании детей [2, с. 27 32-33]. ЕСПЧ по делу *Marckx v Belgium* (§ 45) пришел к выводу, что защита семейной жизни по статье 8 включает отношения с близкими родственниками такими как дедушки и бабушки, братья и сестры, тети и дяди, а также двоюродные братья и сестры [25]. Поэтому возможность защиты всех этих отношений зависит от теории родительства, что ляжет в основу возникновения родительского статуса. Кроме этого, принадлежность ребенка к семье определенного лица создает возможность определить перечень лиц, которые согласно законодательству не смогут в дальнейшем вступить в брак с этим ребенком (родственники прямой линии родства, родные братья и сестры и др.), а также предусмотреть (предупредить) возможность возникновения наследственных заболеваний. В Российской Федерации существует норма, призванная пресечь заключения браков между лицами, являющимися родственниками вследствие применения ВРТ. А именно требование прекращения использования репродуктивного материала донора, от которого рожде-

ны 20 детей в регионе количеством 800 тысяч человек [26]. И хотя эта практика положительная и в Украине аналогичной нормы не существует вообще, вряд ли она может исключить все возможные случаи исключения таких запрещенных браков.

На сегодняшний день первое поколение зачатых от доноров репродуктивного материала детей уже во взрослом возрасте. Большинство из них были зачаты от доноров спермы и воспитанные гетеро сексуальными супругами. Проведенные исследования подтверждают, что их осознание того, что родители, спланировав их зачатия, сознательно намеревались навсегда разделить их с генетическими родителями и лишиться возможности хотя бы владеть информацией о них, серьезно повлияло на их личность. Они также утверждают, что они были лишены права знать и воспитываться в семьях своих родителей, а также, что это сознательное лишение их такого права формирует у них большое стремление познать правду, о том, кем они являются на самом деле. Такие люди пытаются отыскать свои генетические корни, своих братьев и сестер, рожденных от одних и тех же доноров гамет. Они отмечают, что применяя репродуктивные технологии никто не спрашивает у них, как у одной из сторон этого процесса, согласие на отказ от своего права с рождения знать и воспитываться в семьях своих родителей и не понимают, как государство может спокойно реагировать на лишение их такого права. Они называют себя односторонними, искривленными, полу усыновленными, рабами кровной связи. Некоторые из тех, кто рождены в однополых семьях, называют себя отродьем киров [18, с. 17-18]. Никто не проводил серьезных исследований, сфокусированных и длительных эмоциональных состояниях таких людей, а потому понять всю глубину их душевных страданий почти невозможно. Ведь фактически все революционные нововведения по изменению концепций отцовства и материнства были осуществлены без осуждений общественности по воплощению этих новелл и их результатов, без изображения и расчетов относительно перспектив будущего.

Вместе с тем 6 февраля 2013 в Германии Высшим Земельным судом го-

рода Гамм было принято чрезвычайно важное решение, которым признано, что право лица знать свое происхождение выше, чем интерес донора сохранить свою анонимность. И хотя женщина, которая получила право узнать в банке спермы информацию о своем биологическом отце, не сможет узнать его имя в связи с истечением срока хранения соответствующих данных, это решение является прецедентом и может серьезно повлиять на дальнейшую судебную практику [27]. Как отмечалось, практика записи имени донора по его желанию в свидетельство о рождении ребенка уже существует. И хотя судить о правовом статусе такого лица достаточно сложно, однако сам факт предоставления информации о генетических родителях, очевидно, способствует интересам ребенка. В законодательстве Украины также содержится положение, предусматривающее в определенной степени «нетрадиционную» запись о рождении ребенка. А именно, согласно п. 11 Правил государственной регистрации актов гражданского состояния, утвержденных Приказом Министерства юстиции Украины № 52/5 от 18.10.2000 г., в актовой записи о рождении ребенка кроме официальных родителей ребенка в графе «Для отметок» указывается имя суррогатной матери. Вероятно, в будущем аналогичная запись будет осуществляться и про доноров генетического материала, как генетических родителей ребенка, и волеизъявление донора по этому вопросу не будет иметь значения, что будет вполне справедливо. Ведь донор имеет возможность ознакомиться с перспективами для него участия в программах применения ВРТ и при неприятии ее условий может от нее отказаться. А ребенок, рожденный в результате ее применения, становится заложником ситуации нарушения собственных прав, согласие на что у него никто не спрашивал.

Конечно, стремительное развитие репродуктивной медицины не может не повлиять на давно сложившееся представление и подходы к вопросам отцовства и материнства. Он также не может быть ограничен запретами рождения детей путем применения ВРТ, поскольку, во-первых, рождение ребенка в любом случае является позитивом, а во-вторых, такой запрет только повлечет поиски способа обойти закон.

Однако вопрос дальнейшей судьбы этих детей не должно быть оставлен без внимания закона. Ведь прежде чем говорить о дискриминации нетрадиционных семей в праве на детей и ограничении прав доноров на анонимность, следует подумать о дискриминации детей, которым еще не до рождения приписывают судьбу воспитываться в нетрадиционной семье или ограничивают в праве знать свое генетическое происхождение.

Выводы. Данная работа раскрывает общемировую тенденцию нарушения прав детей, вызванную желанием в удовлетворении прав взрослых на отцовство, и, служа лишь вступлением в такую сложную проблематику, ставит целью привлечь к ней внимание, прежде чем делать какие-либо необдуманные шаги. Для введения радикальных изменений очерченной сферы необходимо проводить основательные исследования всех аспектов, которые она может затрагивать, и особенно в отношении обеспечения прав и интересов детей. Все запланированные нововведения должны быть широко обнародованы и обсуждены и оценены в первую очередь с точки зрения лиц, которые на сегодняшний день уже являются «результатом» новых подходов к родительству.

Список использованной литературы:

1. Reece H. The paramountcy Principle: Consensus or Construct? / H. Reece // *Current Legal Problems*. – 1996. – № 49(1). – P. 267-304.
2. A. Bainham. What is Parent? A socio – Legal Analysis / A. Bainham, S. Day Sclater, M. Richard (eds). – Oxford : Hart Publishing. – 1999. – 297 p.
3. The Future of Family Law: Law and the Marriage Crisis in North America. – New York : Institute for American Values. – 2005. – 51 p.
4. Family law. Texts, Cases and Materials. Second edition. Sonia Harris-Short and Joana Miles. Oxford University press. – 2011 – 1040 p.
5. Eriksson A., Saldeen A. Parenthood and Science – Establishing and Contesting Parentage // *Parenthood in Modern Society: Legal and Social Issues for the Twenty-First Century*. Dordrecht. – 1993. – P. 75-92.
6. Roosevelt K. The Newest Property: Reproductive Technologies and the Concept of Parenthood // *Santa Clara Law Review*. – 1998. – Vol. 39. – P. 79-140.
7. Comment Tracy J. Frazier. Of Property and Procreation: Oregon's Place in the National Debate over Frozen mbryo Disputes. – 2000. – Vol. 88. – P. 931-961.
8. King solomon's solution to the disposition of embryos: recognizing a property interest and using equitable division. *Kansas r. Gooden*. – 2008. – Vol. 30:1. – P. 66-93.
9. Barbara Hall. The origion of parents rights. *Public Affairs Quarterly*. – 1999. – No 13. – P. 73-82.
10. Shanley M.L. «Surrogate Mothering» and Women's Freedom: A Critique of Contracts for Human Reproduction // *Signs*. – 1993. – Vol. 18. No. 3. – P. 618-639.
11. Parenthood by pure intention: assisted reproduction and the functional approach to parentage Richard F. Storow *53 Hastings L. J.* – 2002 – No 597. – P. 640-648.
12. Conceptions of parenthood. Ethics and the family. Michael W Austin. Ashgate publishing company. Burlington/ USA. – 2007. – 138 p.
13. Van Zyl L. Intentional Parenthood: Responsibilities in Surrogate Motherhood // *Health Care Analysis*. – 2002. – Vol. 10. No. 2. – P. 165-167.
14. Свитнев К.Н. Правовые и этические аспекты помертвой репродукции // *Правовые вопросы в здравоохранении*. – 2001. – № 6, июнь. – С. 30-43.
15. X, Y and Z v. the United Kingdom [Электронный ресурс] (App No 21830 / ECHR) Judgment, 22.04.1997. – Режим доступа : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58032>.
16. Sheldon, Sally. From «absent objects of blame» to «fathers who want to take responsibility»: reforming birth registration law', invited contribution to a refereed special issue on fatherhood. *Journal of Social Welfare and Family Law*. – 2009. – 31 (4). – P. 373-389.
17. Fortin. Children's right and the developing law? 3rd end. Cambridge: CUP. – 2009. – 667 p.
18. The revolution in parenthood. The emerging global clash between adult rights and children's needs. An International Appeal from the Commission on Parenthood's Future Elizabeth Marquardt,

Principal Investigator. Institute for American Values. – 2006. – 42 p.

19. New Zealand Law Commission, report 88, «New Issues in Legal Parenthood». Wellington, New Zealand. – 2005. – 148 p.

20. Victorian [Australia] Law Reform Commission, report on assisted reproductive technology, Melbourne, Australia), Section 2.35. – 2005. – 44 p.

21. Кириченко К.А. Приобретение родительского статуса в отношении детей, зачатых с помощью искусственного оплодотворения, в однополых семьях: сравнительно-правовое исследование. Актуальные вопросы частного права. Семейное право. – 07.12.2011. – С. 89-110.

22. Кириченко К.А. Однополая семья в России: что дает нам действующее законодательство? : практическое пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. Ил. – 2012. – 72 с.

23. Gendering legal parenthood: bio-genetic ties, intentionality and responsibility. Windsor Yearbook of Access to Justice (in press) Susan B. Boyd. – 2007. – 28 p.

24. Дитина трьох батьків? – преса Британії [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://www.bbc.co.uk/ukrainian/press_review/2013/06/130628_press_british_it.shtml.

25. *Marcks v Belgium* [Електронний ресурс] (App No 6833\74, ECHR). Judgment, 13.06.1979. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-57534>.

26. О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия : Приказ Минздрава РФ от 26 фев. 2003 г. [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://base.garant.ru/4179155/>.

27. Суд: діти донорів сперми мають право знати біологічного батька [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://life.pravda.com.ua/society/2013/02/7/120571/>.

ПРОБЛЕМА ОСНОВНЫХ ПРАВ ГОСУДАРСТВА В РАБОТАХ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА СТОЯНОВА И ВСЕВОЛОДА ПИЕВИЧА ДАНЕВСКОГО

Константин САВЧУК

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
отдела международного права и сравнительного правоведения
Института государства и права имени В. М. Корецкого НАН Украины

Summary

The article is devoted to investigation the understanding of the fundamental rights of the state in the works of prominent representatives of the domestic legal thought – Andrey Nikolaevich Stoianov and Vsevolod Pievich Danevskii. It is shown that the works of the above-mentioned international lawyers especially V.P. Danevskii, contained detailed concept of fundamental rights of the state, which are understood as those rights which are necessary for the state as individual, and without which the state cannot exist as a member of the international union.

Key words: the fundamental rights of states, the history of international-legal science, Andrey Nikolaevich Stoianov, Vsevolod Pievich Danevskii.

Анотация

Статья посвящена исследованию понимания основных прав государства в работах выдающихся представителей отечественной юридической мысли – Андрея Николаевича Стоянова и Всеволода Пиевича Даневского. Показано, что в работах вышеупомянутых юристов-международников, особенно В.П. Даневского, содержится развернутая концепция основных права государств, которые понимались как такие права, которые являются необходимыми для государства как для личности и без которых государство не может существовать как член международного союза.

Ключевые слова: основные права государства, история науки международного права, Андрей Николаевич Стоянов, Всеволод Пиевич Даневский.

Введение. Основные права и обязанности государств, под которыми, как правило, понимаются такие права и обязанности государств, которые имеют решающее значение для их существования и функционирования в международном сообществе [1, с. 348-349], являются важнейшей категорией современного международного права. В современном международном праве их юридическое содержание теснейшим образом переплетается и в значительной мере обуславливается юридическим содержанием основных принципов международного права. Возникновение и развитие концепции основных прав государств в значительной степени связано с фундаментальной работой известного швейцарского юриста-международника Эмерика де Ваттеля «Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов». Тем не менее до сегодняшнего дня в доктрине международного права различных стран не существует единого мнения относительно критериев для выделения такой ка-

тегории прав, не сформулирован их хоть сколько-нибудь общепризнанный перечень и не исследован в достаточной степени вопрос об их соотношении с основными принципами международного права, закрепленными в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. Попытка кодификации этого института международного права на универсальном уровне, предпринятая Комиссией международного права ООН в проекте Декларации прав и обязанностей государств в 1949 году так и не увенчалась успехом. Как известно, Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции от 6 декабря 1949 года [2] постановила передать этот проект государствам-членам с просьбой предоставить свои отзывы и соображения, однако на этом этапе процесс кодификации и остановился. В тоже время следует отметить, что задача кодификации прав и обязанностей государств была в свое время